

Будь прост, как ветер, неистоцим, как море

Богат наш город знаменитыми художниками. В Одессе живут, жили и побывали многие известные мастера. И каждое имя — еще одна ниточка в яркий ковер талантов нашего города.

Орест Владимирович Слешинский родился в 1930 году в городе Смоленске. В 1944 году семья Слешинских переехала в Одессу, где после недолгих поисков жилья поселилась на одиннадцатой станции Большого Фонтана, по счастливой случайности рядом с семьей будущего большого художника Геннадия Малышева. Геннадий стал другом Ореста, вместе они ходили на этюды. Вместе они поступили в Одесское художественное училище и принесли сразу после начала занятий два мешка этюдов. Во многом выбор профессии художника был определен отчимом Валентином Ивановичем, человеком, близким к искусству, и получившим образование в Петербургском художественном училище. Со второго курса Ореста Слешинского призвали на Балтийский флот, и на шесть лет его занятия живописью прекратились. Вскоре после окончания службы на флоте, в 1954 году, Слешинский продолжил обучение в художественном училище в Одессе. Знаменитый художник В.В. Токарев, близкий друг семьи Слешинских, во многом повлиял на Ореста Слешинского. В Художественном училище имени М.Б. Грекова Слешинский занимался в мастерской Л.О. Токаревой-Александрович, которая стала для своих студентов не только наставником, но и другом, единомышленником на многие годы.

На формирование таланта Ореста Слешинского оказала влияние художественная атмосфера в Одессе, сложившаяся в пятидесятых годах прошлого века. В это время возникла сильнейшая группа художников, которые ежедневно работали в одной мастерской в художественном училище. В нее входили А.П. Ацманчук, Ю.Н. Егоров, Г.З. Крижевский, В.В. Токарев, Л.О. Токарева-Александрович, В.Г. Власов, И. Логвин, А.Б. Фрейдин.

В начале шестидесятых годов родоначальниками новой неожиданной художественной идеи в Одессе стали А.П. Ацманчук, Ю.Н. Егоров и др. Их живописные открытия привлекли многих единомышленников. О.В. Слешинский, вернувшись после окончания Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры в 1965 году, вошел в этот круг.

В живописи Слешинского центральное место заняли солнце, море, небо, дома и люди Одессы. В этом же году художник начал преподавать в Одесском художественном училище и работать в одесском комбинате Художественного фонда.

Одесский пейзаж является основной темой в творчестве О.В. Слешинского. Влюбленный в жизнь, в неповторимый город, с которым связана вся творческая биография, художник работает много и напряженно. В произведениях Слешинского много критического чутья и такта. Долгое всматривание, взвешенность образов чувствуется в строго художественной обработке произведений. Поэтому картины явлений природы и душевных переживаний так убедительны, что не требуют фантазии или особого романтического настроения. Его работы стали явлением, властно подчиняющим себе зрителя. Они привлекают ценителя не только возможностью полюбоваться цветом неба, нежными переливами зелени, прозрачностью воздуха, но и главное — возможностью почувствовать творческий выбор художника, его удивительную способность организовывать бесчисленные оттенки в стройную систему.

Художники говорят, что морская соль, испаряясь, рождает в воздухе Одессы удивительные оптические эффекты. Все серое становится цветным, все гладкое кажется шероховатым. Вот и фактура живописной поверхности работ О.В. Слешинского такая плотная и пористая, словно изъеденный солью ракушечник. И сквозь поверхность, внутрь пейзажа, видим — морской соленый воздух окутывает легкой дымкой землю, деревья, дома. Этот соленый воздух — один из главных героев живописного действия, как и солнечный яркий свет горячего южного солнца. Свет золотит поверхность, сияет яркими бликами на воде и искрится на крышах домов.

В работах художника одесские обрывистые берега словно сотворил огонь древних недр, прибрежные скалы — застывшие усилия могущественных стихий. На холсте с высоты птичьего полета видны тугая лепнина глины — от бледно-желтых, сероватых — до коричневых и красных, берега, сожженные тысячелетним солнцем, — отблеском огромных нежных вод, горячими токами воздуха — чистейшего в мире.

Бесконечное движение — берега и море наплывают друг на друга.

Размышления над прошлым Причерноморья наполняют живопись О.В. Слешинского историческим взглядом на пейзаж. Многие народы оставили здесь осколки своей культуры. История, как писал Максимилиан Волошин, "бродит здесь тенями аргонавтов и Одиссея, она — в этих стер-

тых камнях, служивших кладкой в фундаментах многих сменявшихся культур, она — в этих размытых дождями холмах, она — в разрытых складках утомленной земли, она — в этих заливах, где никогда не переводилась торговая суетня и неистребимо из века в век цветет жгучая человеческая плесень". Чтобы в природе наших дней увидеть прошлое, художник должен "перестрадать" ту землю, которую он пишет, пережить историю каждой долины, каждого холма, залива, и тогда пейзажи Одессы наполняются незримым присутствием времени. Так взгляд художника останавливается не только на существующей природе, которой есть что вспомнить, но и на особом чувстве осязаемости, вещественности времени. Словно проснувшись и сожалея о прекрасном, но тут же забытом сне, вдруг находишь под рукой осколок древней амфоры...

Берег в Аркадии. Море намывает насыпи, волна приходит и отступает. Там, где волна отошла, — песок потемнел, а здесь, где яркое солнце — высушен добела и покрыт сухой коркой. В ней застыли водоросли, медузы, пробки. И лодочка, ладья, ладошка — небольшой корабль с веслами и запасом еды, в море жизни, где мы плывем по воле ветра и капитана. Долгий путь...

Когда-то все вокруг было море. А теперь отлив обнажил дно — и выступили балюстрады ступенек. По ним недавно двигались люди, беззаботно и просто.

Есть прошлое — появляется настоящее. О.В. Слешинский дружески предлагает воображаемому зрителю попутешествовать с ним вдоль берега моря, и лучше с этюдником на плече. Потому что так увидеть южные края может только живописец.

Будь прост, как ветер, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе,
Весь трепет жизни, всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Скалистые берега, море и рядом человек. Город, построенный им, приотлив и своеобразен. О.В. Слешинский сосредотачивает свое внимание не только на документальной точности облика архитектуры, но главное, как говорит сам автор, "в Одессе есть своеобразная пластика, которая позволяет интересно решить городской пейзаж. Дело не в том — пишешь ты дворец или просто хибару. Старые дома в районе Молдаванки, Слободки имеют свой шарм".

Когда умолкнул звон трамваев

Стоял жаркий июль 1951 года. Алка, правда, утверждает, что год был не 51-й, а 50-й. Возможно, она и права. Ей лучше знать. Ведь это у нее на веранде разворачивались главные события. Ладно, пусть! Итак, стоял жаркий июль 1950 года. Учебный год и экзамены остались позади, О новом учебном годе пока и думать не хотелось. Поэтому за календарем мы из принципиальных соображений не следили. Правда, дни недели, в отличие от дат, определялись четко. Они были строго регламентированы кулинарными стандартами дачников, проживавших в прямом смысле в тесном, но относительном содружестве дачного коллектива по улице Гаршина, что на 12-й станции Большого Фонтана.

Уже с утра жужжание работающих в унисон примусов слегка заглушало доносящееся неясное бормотание прибора (неясное потому, что оползти тогда еще не успели приблизить море к дачам на 12-й станции) и вплеталось в звонки трамвая № 18, проходившего в те годы прямо вдоль береговой линии. А вместе с жужжанием примусов от веранды к веранде докатывались волны кулинарных ароматов, соревнуясь с полынно-пыльным запахом нагретой стени и солоновато-тинным запахом моря. Об ароматах цветов на клумбах я умалчиваю, потому что по неизвестной причине в те времена на дачах сажали в основном ничем не пахнущие майоры — яркие некрупные оранжево-красные цветы с жестким венчиком и прямым жестким стеблем (возможно, это была дань отшумевшей в недавнем прошлом войне).

Так вот. У всех дней недели был свой запах. В понедельник на каждой веранде булькала кастрюля и скворчала сковородка, а в воздухе весьма недвусмысленно пахло рыбой. Это дачники дружно утилизировали улов супруга Мадам Стороженко — дворничихи коллектива. Кличка "Мадам Стороженко" была естественной данью нашего увлечения Катаевым. Муж Мадам всю неделю трудился где-то на заводе, кажется, на "Радиалке", а в воскресенье регулярно на целый день уходил на рыбалку. Причин тому было много. В первую очередь, рыбалка — это хобби (даже тогда, когда этого слова в нашем лексиконе и в помине не было). Во-вторых, рыба, в отличие от Мадам, всегда безмолвствует. В-третьих, возможность добавить что-то в негустой бюджет семьи значило обеспечить себе покой на неделю.

Мадам Стороженко появлялась в понедельник рано утром на полян-